Про Марью-искусницу, Ван Гога и небаской ковид

Ирина Журавлёва

Третью неделю я лечусь в отделении химиотерапии онкодиспансера, мой друг — в отделении пульмонологии Центральной инфекционной больницы, сестра работает акушеркой в перинатальном центре. Все мы проходим испытание ковидом

ЖУРНАЛИСТ ИРИНА ЖУРАВЛЁВА УМЕРЛА 3.07.2020 ОТ COVID-19. ЭТО ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Ирина Журавлёва — журналист газеты «Правда Севера», Архангельская область

«Отец Александр успокаивает...»

Пациентки в нашей четырёхместной палате постоянно меняются: «химия», три дня промывки — и домой. С одной из соседок — Марусей — мы задержались и подружились. Маша из отдалённого района, у неё трое детей — мал мала меньше. Какое счастье, что придумана мобильная связь!

«Чего босоножки-то такие небаские купили? — Маша придирчиво рассматривает в смартфоне девчачьи обновы. — Эх, я б выбрала! Ну зато папа научился косы плести». «На уколы!» — прерывает семейный совет сестричка. Надеваем маски, перчатки, выходим в коридор.

Люди вокруг разные, в основном душевные. Самый активный дед лет семидесяти пяти уже в полвосьмого утра стучит железной клюкой, занимает очередь «на кровь», брызжет слюной, громко объясняя всем, что ничего не боится, ну и что, что в его посёлке женщину увезли, всё это выдумки, а он свободный человек. Врачи и медсёстры с ног сбиваются, призывая дедка к порядку. Потому что они-то как раз представляют себе, что будет, если к «химии» добавится коронавирус.

Одна из соседок после жёсткой «красной химии» (лучше не знать, что это) всё время говорит про то, как пять лет назад родила мёртвую девочку и не покрестила. Никто не спит. Звоню знакомому священнику. Включаю громкую связь. Отец Александр успокаивает, советует. Паника прекращается, мы засыпаем.
Новая соседка начиталась истеричных постов в соцсетях. «А вы знаете, что закрыли единственное в области отделение реанимации новорождённых?! Нам всё врут, дети умирают, врачи-убийцы!»

«Ковидных рожаем чуть раньше срока...»

Звоню сестре Анне Ляпченковой, которая работает акушеркой в перинатальном центре. Включаю громкую связь.
«Эк вас, — удивляется сестра. — А полицию не закрыли? Ковидных рожаем в закрытых боксах, младенцев отправляем в реанимацию. Как правило, они все появляются на свет чуть-чуть раньше срока. Не критично — на неделю-две, но раньше. За первого опасались — двухсторонняя пневмония, через два дня выправился. И все так. Возможно, это такое необычное свойство вируса, не знаю. Но отвечаю — всё под контролем. У нас берут пробы. Принимаем роды у ковидных по очереди, в полной экипировке. Начинали рожать в неудобных очках, пот заливал глаза. Сейчас выдали отличные, как горнолыжные.

А у меня сегодня из... э-э-э, щас красиво скажу — из Лугханска родили, такие замечательные, совсем наши! А знаете, чем сейчас занимаюсь? Таджикский учу по буквам, пытаюсь осилить и записать в карточку фамилию, имя роженицы. У нас ведь и не ковидные рожают, и вы приходите!»
А ещё сестра сказала, что все, кто имел дело с ковидными больными, получают обещанные государством выплаты. Вот и её коллега-акушерка сказала, что на днях ей уже перечислили сорок тысяч.
И снова соседка, уже другая, но тоже начитавшаяся соцсетей: «Власти нам врут! У нас десятки тысяч больных и тысячи смертей, всё скрывают, и никто ничего не делает. А в инфекционную больницу не попасть!»

«Они сутками не снимают скафандры...»

«Ира, когда я в первый раз вызвал врача из нашей "четвёрки", у меня даже полиса ОМС не было! — объясняет он во ВКонтакте. — Выписали антибиотики, полегчало, через неделю снова стало плохо. Второй раз пришла, снова антибиотики, другие, и попросила всё же сделать полис. У меня его десять лет не было, я ж здоровый тренированный мужик. Третий раз пришла, вызвала скорую, сидела со мной и отправила в ЦИБ! Без связей, без звонков, без знакомств!
Сижу в инфекционке. Передо мной семь человек. Не сказать, чтобы тяжёлые. Перед инфекционной шесть машин скорых. Меня уже не нужно уговаривать. Только что приняли решение. Остаюсь в пульмонологии. В приличной чистой палате. И здесь отличная еда.

Работает в отделении в основном молодёжь, до сорока. Я начинаю верить, что в стране всё будет хорошо. Они сутками не снимают скафандры... А вот "четвёрка" наша застряла в конце 1990-х. Но думаю, что тоже вылезет, пусть и с запозданием.
Восстанавливать лёгкие придётся ещё пару месяцев. И не только лёгкие — микрофлору, иммунитет. Антибиотики были очень жестокие, последнего поколения. Счастье в том, что начинаешь радоваться всем проявлениям жизни, когда увидишь её край и он немного отодвинулся...»

«Врачи говорят — идёт война»

Произошло то, чего боялись. В нашем отделении ковид!
У всех берут пробы, мы просто сидим и ждём ответов. Чьи-то приходят на следующий день, чьи-то — через день. Маруся, она же Марья-искусница, достаёт картину. Она готовит подарок для мамы, которая приглядывает за внучками. Бабушка любит подсолнухи. Подсолнухи из бисера, он сверкает и переливается на солнце бриллиантовым светом. Жаль, на телефонном фото этого не увидеть. Но Ван Гог всё равно бы обзавидовался.
Врачи нервничают, с каждым проводят разъяснительную подробнейшую беседу. Они говорят — идёт

война. Буквально за жизни. Химиотерапию отменить нельзя, так же как нельзя отменить полицию и погодить родить. Тех, у кого пробы отрицательные, отправляют на строжайший карантин, положительных — в ковидные госпитали. А отделение дезинфицируют, с понедельника поступит новая партия пациентов.

Индивидуальных средств защиты хватает и врачам, и больным. Сестра говорит, что у них есть всё необходимое, а поверх всего они надевают ещё и ламинированный халат. Позвонила Андрею в инфекционную больницу, он тоже сказал, что никаких проблем со средствами защиты у них там нет.
Мы просто лежим на своих койках, ждём ответ, и я пытаюсь поймать в фотокамеру белого голубя, порхающего за окошком. И вдруг на подоконник вспархивает миниатюрная санитарочка. Она встаёт с той стороны окна и моет его. У меня дрожат руки. «Вы не боитесь?» «На колесе обозрения боюсь, а тут — работа такая, да и вам полегче дышать будет».

Они все так понимают свою работу: врачи, медсёстры, санитарки — спасать, защищать, вытаскивать с поля боя раненых. Открывается дверь, появляется ещё одна санитарка: «Девочки, поступил приказ Роспотребнадзора: выключить холодильники! Забирайте всё, что ваше осталось!» Следующий приказ ещё заковыристее — заклеить вентиляцию! Видимо, чтобы ковид по ней не пролез.

Мы разговариваем про врачей. Я рассказываю Маше о Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком, великом враче, специалисте по гнойной хирургии и местной анестезии, работавшем во время Первой и Великой Отечественной, который побывал в ссылке в Архангельске, получил военные ордена и одновременно был священником.
Мой тест отрицательный, Машин — положительный (привет тебе, дед с клюкой). Марья-искусница отправляется в госпиталь, я — в отдельную палату продолжать лечение. Маша звонит и говорит, что попала в Заостровье. Из её окна сияют купола Заостровского храма, а в её палате — икона Святителя Луки, в миру — врача Войно-Ясенецкого. 11 июня, когда Маша туда попала, был день его памяти.

Дорогие мои друзья и дорогие читатели! Панику прекратите, пожалуйста. Кастрюлю на голову и жечь покрышки — это не наш метод. Российская система здравоохранения проходит проверку на прочность. Остатки советской помогают. Оптимизация провалилась, нынешняя ситуация выправляется за счёт буквально героизма медиков. Будем надеяться, власти сделают выводы и наши победят. Не болейте!

&